

«ПАНТЕИЗМ» М.А. ВОЛОШИНА
(анализ духовных исканий писателя
на материале публицистики периода двух русских революций)

Творческое наследие М.А. Волошина, русского поэта эпохи «серебряного века», общественного деятеля, считавшегося «изгоем при всякой власти» [10, с. 163], представляет обширный материал для литературно-критических исследований. Изменение культурной парадигмы, наметившееся после распада Советского Союза, в корне изменило развитие литературоведческой науки. Так, наряду с воскрешением «забытых» имен, выделяются новые тенденции в рассмотрении творчества того или иного автора. Исследованию духовных исканий Волошина посвящен ряд работ, в которых самобытность мировоззренческой позиции поэта и мыслителя приобретает подчас весьма противоречивый характер. В статье Н.К. Бонецкой «Максимилиан Волошин – поэт, мифотворец, маг» автор поэтапно рассматривает становление религиозного сознания поэта, подчеркивая, что «собственно религиозные искания М. Волошина начинаются с буддизма» [4] в 1901 году и ведут к его полному обращению к «гётеанству», соединявшему в себе веру христианство и язычество. Религиозные мотивы, пронизывающие творчество писателя «последних полутора десятилетий», а также любовь Волошина к парадоксам раскрываются в статьях С.А. Алимova: «Жить, разворачивая «свиток» [1], «Не бойся врага в иноверце» (Путь к православию Максимилиана Волошина)» [2], «Три солнца Максимилиана Волошина» [3]. В статье И.Б. Устюжина производится попытка толкования религиозного и оккультного элемента на примере стихотворения «Dies Illa Tam Amara» [14]. Характеризуя Волошина как «тип мудреца древнего, философа под открытым небом» [11], иерей Сергей Карамышев в исследовании «Достоин ли Максимилиан Волошин анафемы?» подвергает резкой критике принадлежность писателя христианству.

Целью данной статьи является анализ религиозно-философских воззрений М.А. Волошина в период двух русских революций – 1905 и 1917 годов. В качестве материала использованы автобиографии Волошина, воспоминания его современников и статьи «Кровавая неделя в Санкт-Петербурге. Рассказ свидетеля» (1905), «Пророки и мстители» (1906), «Заметки 1917 года» (1917), «Вся власть патриарху» (1918).

Следует отметить, что понимание всей сложности и противоречивости мировоззренческой системы Волошина было бы неполным без воспоминаний современников – М. Сабашниковой, А. Амфитеатрова, А. Белого, Е. Герцык, М. Цветаевой и др., отражающих многогранность его человеческой и поэтической натуры. Эпитеты, которыми современники характеризуют Волошина, представляют широкий диапазон его личности: «...эллин, римлянин, бродячий певец-бандурист, скиталец – искатель правды и

красоты, мыслитель, историк, звездочет и живописец» [10, с. 6]. И это далеко не полный список. Литературный критик Лев Озеров отмечал: «Еще при жизни Волошин стал легендой. Сейчас легенда вырастает в миф» [10, с. 6].

Примечательно, что склонность поэта к мистицизму и парадоксам оформилась еще в детские годы, со временем трансформировавшись в черту характера. Подтверждение этому находим в воспоминаниях В.О. Вяземской: «Казалось, он весь был во власти нелепого суеверия» [10, с. 71]. Описывая забавные эпизоды, связанные с розыгрышами над маленьким Максом со стороны учителя Туркина, Вяземская подчеркивает своеобразный артистизм природы: «Наблюдая за ним, мы чувствовали, что ему казалось интересным верить в сверхъестественное, жизнь при такой вере казалась ему красочнее и увлекательнее обыденной. Он такой жизни желал и поэтому верил» [10, с. 71].

Важным источником, способствующим созданию более целостного представления о личности Волошина, являются, также, три автобиографии писателя: «Автобиография («По семилетьям»)» (1925), написанная в связи с 30-летием литературной деятельности, «Автобиография» (написанная в начале 1925 года, в которой внимание уделяется мировоззренческим вопросам), «О самом себе» (1930) – рассказ Волошина «о самом себе» как о художнике, написанная для каталога выставки его акварелей. Так, «Автобиография («По семилетьям»)» представляет периодизацию жизненного пути поэта и мыслителя, отмечая важные вехи его мировоззренческого становления: «Детство» (1877-1884), «Отрочество» (1884-1891), «Юность» (1891-1898), «Годы странствий» (1898-1905), «Блуждания» (1905-1912), «Война» (1912-1919), «Революция» (1919-1926).

1900-й год, по определению Волошина, становится годом его духовного рождения. В этот период, будучи исключенным из Московского университета, он отправляется в Среднюю Азию – «на изыскания трассы Оренбург-Ташкентской железной дороги. Полтора месяца с караваном, выполняет обязанности заведующего лагерем, ведет пикетаж» [10, с. 50]. В Средней Азии Волошин открывает для себя философию Ф. Ницше и «Три разговора» Владимира Соловьева, что становится основой понимания им мировой истории и культуры: «взгляд на мир с высоты тысячелетних культур разных народов» [10, с. 9]. Позже, в 1927 году, в стихотворении «Четверть века» появляются следующие строки:

«В жизни на этой магической грани
Каждый впервые себя сознает
Завоевателем древних империй
И заклинателем будущих царств» [12, с. 49].

Писатель прошел, по его собственному выражению, сложный этап «блуждания духа» [10, с. 31]. Если становлением поэтического слога Волошин обязан Франции и увлечению поэзией Ж.-М. де Эредиа, Сюлли-Прюдома, Леконта де Лилля, С. Малларме, принадлежащих к группе «Парнас», то религиозно-философские воззрения представляют сложный синтез религий и учений: «буддизм, католичество, магия, масонство,

окультизм, теософия, Р. Штейнер» [10, с. 31]. Современник Волошина – писатель и журналист А.В. Амфитеатров, знакомство с которым состоялось в марте 1905 года, дает, на наш взгляд, наиболее точную характеристику поэта в период его духовных исканий: «Кем только не перебивал чудодеев в своих поисках проникновения в сверхчувственный мир? Массон Великого Востока, спирит, теософ, антропософ, возился с магами белыми и черными, присутствовал при сатанических мессах, просвещался у иезуита Пирлинга. ...Отношение ко всем этим кругам, в которые он, ненасытно любопытный, нырял со своим «Это очень интересно», было зыбкое: иной раз не разобрать, то ли он преклоняется, то ли издевается. ...Все, решительно все было тогда ему «очень интересно», за исключением политики» [10, с. 138-139].

В 1903 году в Москве происходит знакомство Волошина с переводчицей и теософкой Анной Рудольфовной Минцловой, которой посвящен цикл сонетов «Руанский собор», написанный поэтом в 1907 году. В стихотворении «Безумья и огня венец...» (1911) Волошин отмечал заметное влияние, которое имела на него Минцлова: «...И к ней бежал с надеждой я / От снов дремучих бытия, / Меня отсюду обступивших» [7, с. 137]. Благодаря Минцловой происходят знакомства Волошина с Анни Безант, Рудольфом Штейнером, а также трудами Е.П. Блаватской – основоположницей теософского учения, сложившегося во второй половине XIX века. Елена Петровна Блаватская, «выдававшая себя за ученицу и посланницу великих буддийских мудрецов» [5], изложила собственные идеи в труде «Тайная доктрина». Религиозно-мистическое учение масонского характера, каким является теософия, считает главной задачей человека «познание Бога в себе самом путем добродетельной и созерцательной жизни» [5]. Бог в представлении теософов есть совокупность мира, проявление которого можно наблюдать во всей природе. Увлечение Волошина теософией в парижский период его жизни подтверждается как дневниковыми записями, так и воспоминаниями современников. 18 июля 1905 года, после разговора с Минцловой об ордене тамплиеров, Волошин записал в дневнике следующие ее слова: «Они теперь еще существуют. ...Во многих церквях есть их знаки» [10, с. 643]. Размышляя о природе волошинских мистификаций, А. Амфитеатров приходит к выводу: «...в нем жила непреодолимая потребность «вообразить» – и, совсем вразрез с его жизнерадостностью, вообразить по преимуществу что-нибудь жуткое, сверхъестественное, мистическое» [10, с. 135]. Вспоминая собственную просьбу «показать мне «ночной Париж» [10, с. 135], адресованную Волошину, Амфитеатров приводит фрагмент состоявшегося между ними диалога: «Он очень серьезно отвечал, что его любимая ночная прогулка – на Иль де Жюиф. – ...Да что же вы там делаете?... –Я слушаю тамплиеров» [10, с. 135]. Взгляды Волошина на теософское учение изложены им в статье «О теософии», отход (но не отказ) от которого происходит в 1908 году.

Неотделимыми от понятий духовности и мистики являются взгляды Волошина на природную сущность и причины социально-политических потрясений, происходивших в период первой русской революции 1905-1907

годов. Откликом на события Кровавого воскресенья (9 (22) января 1905 года), свидетелем и очевидцем которых был сам поэт, стала статья «Кровавая неделя в Санкт-Петербурге. Рассказ свидетеля». События нескольких дней стали определителем дальнейшей истории России: «Эти дни были лишь мистическим прологом великой народной трагедии, которая еще не началась. Зритель, тише! Занавес поднимается...» [8]. Примечательно обилие мистической символики, которую Волошин использует с целью раскрытия подлинной сути событий. Так, первым символом таинственно-мистического характера является описание такого необычайного явления: «В этот момент я увидел на небе три солнца – явление, которое наблюдается в сильные холода и, по верованию некоторых, служит предзнаменованием больших народных бедствий» [8]. Символически-пророческим является описание Волошиным правление Николая II, которого мыслитель уже в 1905 году называет «последним из Романовых» [8]. Не иначе как с действием мистических сил связывает Волошин трагические вехи правления русского монарха: «Казалось, что кто-то, до совершения грандиозного жертвоприношения, начертил круги и пентаграммы и написал ритуальные заклинания. Перечислялись все знамения царя: японская рана, катастрофа на Ходынке в момент коронавания, императорский стяг, который обрушился от ветра и убил стоящего рядом с царем начальника полиции Пирамидова, пушечный выстрел в царя, который убил жандарма по имени Петр Романов» [8]. Кроме того, весьма интересной является характеристика Волошиным общественных настроений, знаменующих первую в истории России революцию. Следует отметить, что в понимании автора статьи события 1905 года вовсе не являются революцией в глубинном понимании этого слова. Волошин заявляет: «Это была не революция, а чисто русское, национальное явление: «мятеж на коленях» [8]. Подчеркивая атмосферу страха и апатии, царивших в те дни, Волошин называет такую черту русского народа, как «привычку к смерти» [8], по сути являющуюся предвестием грядущих национальных катастроф: «Но эта неожиданная привычка была лишь видимостью, под которой, чувствовалось, непрестанно и таинственно растет ужас» [8].

В статье «Пророки и мстители (Предвестия Великой Революции)» (изначально задуманной как лекция под названием «Предвестия и пророчества»), опубликованной в журнале «Перевал» (№ 2, 1906), Волошиным проводится историческая параллель между событиями 1905 года в России и эпохой Великой Французской революции: «...когда мы называем Великую Революцию, то кроме политического и социального переворота, мы всегда подразумеваем еще громадный духовный кризис, психологическое потрясение целой нации» [9, с. 273]. Так, в писательском понимании развитие нации неразрывно связано с изменением отдельного ее представителя, а общественные преобразования неотделимы от духовной жизни.

1905-м годом датируется знакомство Волошина с Рудольфом Штейнером, – главой Антропософского общества, к которому он примыкает в 1913 году. Приверженность Волошина данной идее проявилась в участии

поэта в жизни антропософов. 18 (31) июля 1914 года, в день начала войны с Германией, Волошин прибыл в Дорнах, – селение близ Базеля, где с 1913 года шло строительство Иоганнес-Бау (Гётеанума), – своего рода храма для членов Антропософского общества. Писателю было поручено выполнить работу над сценическим занавесом. Понимание антропософии представлено в письме к Ю.Л. Оболенской: «Я принимаю целиком самого Штейнера, но очень плохо принимаю общество и часто делаю из слов его совсем другие выводы» [10, с. 642]. Различие понимания сущности между Штейнером и Волошиным ярко описывает М.А. Сабашникова: «...в Гамбурге... Он прослушал несколько лекций Штейнера. После одной из них задал вопрос...: «Не является ли Иуда, взявший на себя грех предательства, благодаря чему стала истинно возможна Христова жертва, – подлинным спасителем мира?». Штейнер решительно отверг эту идею, считая ее нездоровой. ...Иуда желал для Христа земного, а не небесного триумфа...» [10, с. 130-131]. Данная трактовка миссии Иуды (идущая от учения гностической секты каинистов) была изложена Волошиным в набросках к статье «Евангелие от Иуды» (так и не написанной) и в стихотворении «Иуда-апостол» (1919). В очерке «Живое о живом» М.И. Цветаева, пожалуй, наиболее точно определила сущность отношений Волошина и Штейнера: «...Макс сам был эта тайна, как сам Рудольф Штейнер – своя собственная тайна (тайна собственной силы)...» [10, с. 236].

В 1916 году, в разгар первой мировой войны, Волошин возвращается в Россию, где среди современников пользовался репутацией литературного «коммивояжера» (характеристика З. Гиппиус, данная Волошину в статье «Нужны ли стихи?» для журнала «Новый путь» от 1903 года), «офранцузенного» эстета и парадоксалиста, играющего в оккультизм и позирующего «под Зевса» [13]. Осенью 1916 года Волошин был призван в армию как ратник ополчения 2-го разряда. Отказ от воинской службы был высказан писателем в письме на имя военного министра. В нем проявилась социально-политическая и нравственная позиция Волошина, известная как *au-dessus de la mêlée* (т.е. «над схваткой»), прослеживаются христианские мотивы понимания братоубийственной войны: «...как поэт, как европеец, несущий в себе сознание единства и неразделимости христианской культуры, я не могу принять участие в братоубийственной и междуусобной войне...» [10, с. 642]. Однако, приверженность Волошина христианству является спорной. М.И. Цветаева определяла его религиозную позицию как «пантеизм: всебожественность, всебожие, всюдубожие» [10, с. 262], сам Волошин – как синтез язычества и православия: «Я – язычник по плоти и верю в реальное существование всех языческих богов и демонов – и, в то же время, не могу его мыслить вне Христа» [7, с. 98]. В писательской публицистике периода 1917 – 1921 годов прослеживается превалирование духовных ценностей над общественно-политическими программами, восприятие русской революции с позиций духовности. В качестве примера мы считаем необходимым краткий анализ таких статей, как «Заметки 1917 года» и «Вся власть патриарху».

Так, в статье «Заметки 1917 года» Волошин формулирует три постулата, на которых зиждется революционная действительность: 1) аристократизм как основа социального устройства; 2) вера как опора будущего; 3) религиозная сущность русской революции, отраженная в христианской утопии о создании Града Господня. На взгляд писателя, сущность равенства, проповедуемая социалистической теорией – это тяготение к равенству в ничтожестве, прямой путь к духовной и нравственной деградации человека. «Равенство со стороны духовно высшего к низшему – прекрасно и необходимо, но идея равенства в сознании низшего по отношению к высшему – источник всякого зла» [9, с. 302]. Понятие аристократизма интерпретируется Волошиным сквозь призму христианских канонов – любовь к Богу, Истине как мерило всех человеческих ценностей. Следует отметить, что писательская трактовка социально-политических трансформаций, исходящая из позиций аристократизма, предполагает идеал, в основе которого лежит изначальная и объективная «предзаданность» личного достоинства и социальной значимости человека. Понятие аристократизма предполагает обостренное чувство чести в сочетании с довольно свободным отношением к собственному поведению, так как не жизненные успехи определяют человека, но он их. Понимание Волошиным природы законодательства с позиций либерализма («Социальный закон только тогда хорош, когда он имеет в виду полезность, а не справедливость» [9, с. 302]) подтверждает тот факт, что самодостаточная ценность свободы личности в политической, экономической и социальной жизни является приоритетной при строительстве нового государства.

Примечательным является и то, что Волошин резко разграничивает принципы государственного и социального устройства. Подвергая осуждению проповедуемый большевиками атеизм («...справедливое и полезное в области материального строительства жизни не полезно и не справедливо, когда переносится в область духовную» [9, с. 303]), писатель утверждает необходимость духовности как основы общественной жизни. Как следствие, будущим идеалом, к которому обязана стремиться вся русская нация, является исключительно революция религиозная, идущая через преображение личности, а никак не социальная, ведущая страну к верной гибели.

Отсюда, значительный интерес представляют размышления Волошина относительно формы власти, необходимой обновленной России. Показательной, на наш взгляд, является авторская позиция в статье «Вся власть патриарху» (от 22 декабря 1918 года). Подвергая аналитическому осмыслению внутривластную ситуацию в России, Волошин рассматривает две формы власти: авторитарную («При таком положении вещей... напрашивается самое упрощенное разрешение вопроса – военная диктатура» [6]) и духовную («При развале русского государства патриарх, естественно, становится духовным главой России» [6]). Данный композиционный прием – контрастное противопоставление двух взаимоисключающих понятий – является свидетельством двойственности как

публицистического стиля писателя, так и его мировосприятия (сочетание идеализма и рационализма). Подвергая аналитическому анализу текущее положение вещей, писатель в форме аллюзий отмечает главную проблему России – при необходимости сильного лидера отсутствие его среди плеяды политических деятелей. Рассматривая возможность установления в стране военной диктатуры, Волошин с иронией отмечает: «Но Наполеона у нас не предвидится» [6]. Характеризуя революционное время как «период государственного сна и хаоса» [6], Волошин обращается к русской истории, сравнивая ситуацию в России с периодом Смутного времени. Из самой сущности русской истории, по мнению Волошина, берет начало сам основополагающий принцип славянского государства – духовность, способствовавший объединению московских земель и образованию сильного централизованного государства. «Сила, объединившая русскую землю вокруг Москвы, была не только в московском скипидомстве «Золотого мешка» – Калиты, но и в морально-духовной силе, которая шла от святого Сергия Радонежского, из Троицкой лавры, из деятельности московских митрополитов и патриархов» [6].

Приверженность Волошина христианству, несмотря на дискуссионный характер, находит подтверждение не только в обилии православной символики и образности в его публицистике, но и в общественной деятельности, которую проводил Волошин во время революций 1917 года и Гражданской войны. Спасая красных от белых и белых от красных, или, как отмечала М.И. Цветаева, «...красного от белых и белого от красных, то есть человека от своры, одного от всех, побежденного от победителей» [10, с. 266], – в самый разгар классовой вражды, Волошин остался верен собственной нравственной позиции. Главный принцип христианского мироощущения, такой как человеколюбие, не был для писателя всего лишь печатной декларацией. Не принимая во внимание партийные окраски и лозунги, Волошин возводил в абсолют человеческую жизнь и личность. Многие ненавидели его за это. Особенно резкой была критика И. Буниним сотрудничества поэта как с монархической, так и с большевистской властью.

Восприятие личности, социально-политической и мировоззренческой позиций Волошина не может быть однозначным. Как современники поэта, так и нынешние исследователи подчас приводят крайне полярные суждения, что еще больше подтверждает сложность и противоречивость Волошина, его обособленность среди плеяды деятелей серебряного века. Так или иначе, испытав на себе практически все известные мировые религии и тайные доктрины, Волошин смог сформулировать собственное видение происходящего, таким образом, придя к пониманию своей Родины и себя самого. В качестве завершения, хотелось бы привести слова из воспоминаний Е. Герцык: «Но так ли это нелепо? Ведь в последние годы жизни он и вправду нашел, выносил, дал свое понимание России, ухватил срединную точку равновесия в гигантских весах Востока и Запада. Что Восток и Запад, – может быть, ему, чтобы выверить положение России и суть ее, нужно было провести звездные координаты...» [10, с. 161]. Губинное понимание

Волошиным христианского мироощущения прошло сложный путь, ведущий через все мировые религии, в то время как исторической точкой отсчета возвращения к России послужили революционные события 1905, а затем 1917 года.

Литература

1. Алимов С.А. Жить, разворачивая «свиток». Материалы доклада, прочитанного на Международной конференции, посвященной 100-летию юбилею Дома-музея М.А. Волошина [Электронный ресурс] / С.А. Алимов. – Коктебель, 2003. – Режим доступа: http://web.znu.edu.ua/symbolarium/article_alimov.html
2. Алимов С.А. Не бойся врага в иноверце» (Путь к православию Максимилиана Волошина). Материалы доклада, прочитанного на XII Волошинских Чтениях [Электронный ресурс] / С.А. Алимов. – Коктебель, 2002. – Режим доступа: http://web.znu.edu.ua/symbolarium/article_alimov_2.html
3. Алимов С.А. Три солнца Максимилиана Волошина. Материалы Десятой международной научной конференции [Электронный ресурс] / С.А. Алимов. – Симферополь: Крымский Архив, 2000. – Режим доступа: http://web.znu.edu.ua/symbolarium/article_alimov_3.html
4. Бонецкая Н.К. Максимилиан Волошин – поэт, мифотворец, маг [Электронный ресурс] / Н.К. Бонецкая. – Режим доступа: <http://bdn-steiner.ru/modules/Books/files/303.doc>
5. Брачев В.С. Масоны в России: от Петра I до наших дней. Курс лекций [Электронный ресурс] / В.С. Брачев. – Санкт-Петербург, 1998. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/masonry/index.php
6. Волошин М.А. Вся власть патриарху [Электронный ресурс]: Волошин М. «Жизнь – бесконечное познание». Стихотворения. Поэмы. Проза. Воспоминания современников. – М.: Педагогика-Пресс, 1995. – 576 с. – Режим доступа: <http://brb.silverage.ru/zhslovo/sv/mv/?r=proza&id=9>
7. Волошин М.А. Коктебельские берега: Стихи, рисунки, акварели, статьи/ М.А. Волошин. – Симферополь: Таврия, 1990. – 248 с.
8. Волошин М.А. Кровавая неделя в Санкт-Петербурге. Рассказ свидетеля [Электронный ресурс] / М.А. Волошин. – Режим доступа: http://www.e-reading.org.ua/chapter.php/130367/16/Voloshin__Putnik_po_vselennym.html
9. Волошин М.А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников/ М.А. Волошин. – М.: Правда, 1991. – 480 с.
10. Воспоминания о Максимилиане Волошине: Сборник. – М.: Советский писатель, 1990. – 720 с.
11. Карамышев С. Достоин ли Максимилиан Волошин анафемы? [Электронный ресурс] / С. Карамышев. – Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2012/05/28/dostoin_li_maksimilian_voloshin_anafemy/

12. Куприянов И.Т. Судьба поэта (Личность и поэзия Максимилиана Волошина) / И.Т. Куприянов. – К.: «Наукова думка», 1978. – 230 с.

13. Купченко В.П. «Я – голос внутренних ключей...» [Электронный ресурс] / В.П. Купченко. – Электронный ресурс: http://lingua.russianplanet.ru/library/mvoloshin/kv_pref.htm

14. Устюжин И.Б. «Dies Illa Tam Amara» Максимилиана Волошина: религиозный и оккультный элемент [Электронный ресурс] / И.Б. Устюжин. – Режим доступа: http://web.znu.edu.ua/symbolarium/article_ust.html

Аннотация

Ракитова Л.А. «Пантеизм» М.А. Волошина (анализ духовных исканий писателя на материале публицистики двух русских революций)

В статье рассматриваются религиозно-философские воззрения М.А. Волошина в период двух русских революций – 1905 и 1917 годов. В качестве материала исследования используются автобиографии писателя, воспоминания современников и публицистические работы указанного периода. В статьях «Кровавая неделя в Санкт-Петербурге. Рассказ свидетеля» (1905), «Пророки и мстители» (1906), «Заметки 1917 года» (1917), «Вся власть патриарху» (1918) раскрывается социально-политическая и мировоззренческая позиция автора.

Ключевые слова: публицистика, статья, революция, христианство, пантеизм.

Анотація

Ракитова Л.О. «Пантеїзм» М.О. Волошина (аналіз духовних пошуків письменника на прикладі публіцистики двох революцій)

В статті розглядаються релігійно-філософські шукання М.О. Волошина в період двох російських революцій – 1905 і 1917 років. В якості матеріалу дослідження використовуються автобіографії письменника, спогади сучасників і публіцистичні роботи зазначеного періоду. В статтях «Кривава неділя в Санкт-Петербурзі. Розповідь свідка» (1905), «Пророки і мстителі» (1906), «Замітки 1917 року» (1917), «Вся влада патріархові» (1918) розкривається соціально-політична і світоглядна позиція автора.

Ключові слова: публіцистика, стаття, революція, християнство, пантеїзм.

Summary

Rakitova L.A. “Pantheism” of M.A. Voloshin (analysis of the spiritual searches of the writer on the publicistic material of the period of two revolutions)

In the article M.A. Voloshin’s religious and philosophic searches of the period of two Russian revolutions of 1905 and 1917 are investigated. As the basic material the autobiographies of the writer, memoirs of contemporaries and

publicist works of the given period are used. Such articles as “Bloody Sunday in Saint-Petersbourg. A tale of a Witness” (1905), “Prophets and Avengers” (1906), “The Notes of 1917” (1917), “All the Power to the Patriarch” (1918) reveal the author’s socio-political and worldview position.

Key words: publicism, article, revolution, Christianity, pantheism.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати к. филол. н.,
доцентом Комаровым С.А.